

сложность и разнообразие. Определению теоретических основ и направлений комплектования этнографических коллекций был посвящен доклад В. Р. Арсеньева (Ленинград) «Основание и принципы сбора этнографических музейных коллекций». Практическая деятельность в области комплектования и научной обработки музейных коллекций раскрывалась в докладах Т. Шангиной (ГМЭ), О. Г. Гордеевой (ГИМ), А. И. Синицы (Иваново-Франковск), В. В. Камрыш (Выборг), Е. К. Аджинджала (Сухуми). Рассматривался также вопрос о разработке программ по сбору музейных экспонатов и их исследованию — доклады Н. И. Ивановской (ГМЭ) и Х. Э. Кяэрик (Тарту).

Широкий спектр вопросов был поднят в связи с обсуждением методов и целей обработки музейных материалов. О методе картографирования, потенциально мощном инструменте исследования и систематизации говорилось в докладе М. И. Базака (Коломья). Важные для музейной работы вопросы каталогизации явлений материальной культуры и создания музейных каталогов освещались в докладе А. М. Куплайс (Рига).

Большой круг докладов был связан с обсуждением принципов музейного описания этнографических экспонатов. Н. А. Томилов (Омск) рассказал о научной паспортизации этнографических коллекций Западной Сибири, А. М. Бианки (ГМЭ) остановился на вопросах методики описания экспонатов. Связь принципов классификации предметов материальной культуры и экспозиционной работы раскрыл В. Ф. Вавилин (Саранск) в докладе «Принципы построения экспозиции музея народного зодчества Мордовской АССР». О роли неморфологических признаков при классификации материальных объектов говорилось в докладе О. В. Лысенко (ГМЭ) «Амулеты из белорусских коллекций ГМЭ».

Работа секции сопровождалась оживленной дискуссией о значении фиксации этнографических явлений в предметах неэтнографического характера и о необходимости более строгого научного подхода к комплектованию музейных фондов.

На секции «Этнические традиции в современном народном искусстве и художественной промышленности» было прочитано 29 докладов, которые условно можно разделить на несколько групп.

В докладах Г. С. Островского (Львов) и Н. М. Калашниковой (ГМЭ) рассматривалось место предметов народного искусства в музейных собраниях, в том числе в этнографических. О состоянии художественных промыслов и их развитии в Казахстане рассказал Р. М. Мукашев (Алма-Ата), в Кабардино-Балкарии — А. С. Кишев (Нальчик).

Важная тема — исследование традиционных этнически маркированных элементов в современной художественной промышленности — была поднята в докладах Л. Б. Урицкой (ГМЭ) «Современная художественная промышленность и этническая традиция», Т. А. Мошиной (Петрозаводск) «Использование традиционных этнических элементов в современных промышленных изделиях», Э. А. Корсун (ГМЭ) «К вопросу о сохранении и развитии традиций в современном текстильном производстве».

Чрезвычайно важной проблеме — роли народного искусства в эстетическом воспитании был посвящен доклад С. Б. Рождественской (Москва) «Русское народное искусство в системе приобщения населения к традиционному творчеству народов СССР».

В 18 докладах рассматривались проблемы сохранения этнических традиций в современном народном искусстве отдельных народов или в некоторых видах декоративно-прикладного искусства.

Конференция приняла ряд рекомендаций по вопросам расширения музейного описания на базе Государственного музея этнографии народов СССР, дальнейшей научной разработки концепций комплектования, совершенствования структуры музеев, имеющих этнографические фонды, активизации работы по научной паспортизации и каталогизации музейных предметов.

Конференция показала, что начался процесс формирования приемов и методов, понятийного аппарата, а также предметной области новой исторической дисциплины — этнографического музееведения. Ее участники единодушно выразили мнение о необходимости периодически проводить всесоюзные конференции по проблемам этнографического музееведения. На ближайшей из них предложено рассмотреть проблемы комплектования и научной обработки музейного фонда.

Тезисы докладов участников конференции опубликованы.

В. А. Дмитриев

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

С 1982 по 1984 гг. автор (аспирант сектора Этнографии восточнославянских народов Института этнографии АН СССР, Ленинград), собирал полевой материал по

теме «Пастушество на Русском Севере». Работа проводилась в Тихвинском районе Ленинградской области (апрель 1982 г., май 1983 г.); в Струго-Красненском райо-

че Псковской (август 1982 г.); Тарногском (август 1983 г.) и Сокольском (июль 1984 г.) районах Вологодской; Мошенском районе Новгородской (январь 1984 г.) и Виноградовском районе Архангельской (июль 1984 г.) области¹. Кроме того две экспедиции в Вологодскую область были проведены совместно с сотрудниками Архитектурно-этнографического музея Вологодской области: Н. А. Веселовой (в Грязовецкий район в сентябре 1983 г.; в Верховажский и Вожегодский в июне 1984 г.), Г. В. Сорокиной и Т. Г. Петровой (в Вожегодский район — июнь 1984 г.).

В экспедициях исследовались традиционная и современная материальная и духовная культура русских пастухов.

За время работы опрошено 123 информатора², от которых получены сведения об условиях выпаса скота, найма пастухов, их социальном статусе в севернорусской общине; по системам огораживаний мест пастьбы, жилищу, хозяйству и одежде пастухов, используемой и производимой ими утвари и т. д.; пастушеским праздникам, обрядам и верованиям; пастушеской медицине и пастушеской музыке.

Наиболее интересный пласт пастушеских верований зафиксирован в Тихвинском районе (Шиженский, Ганьковский сельсоветы), Ленинградском и Мошенском районах (Ореховский сельсовет) Новгородской области. Здесь, в отличие от других мест, широко бытовали пастушеские обрядово-магические действия, предшествовавшие первому весеннему выгону скота на пастбище. Местные пастухи (приблизительно за две недели до выгона) заговаривали у «колдунов» свои атрибуты, изготавливали (или покупали) «обход», заключали «договор-обязательство» с лешим, совершали ряд магических действий над *осеком* — изгородью вокруг покотины (например, пастух зарывал около ворот изгороди кусок железной трубы или монету, завернутые в тряпку, что должно было способствовать благоприятной пастьбе), своей одеждой, атрибутами пастьбы и т. п. В этих же районах пастухи в течение сезона проводили ряд вторичных «тайных» обходов вверенного им стада.

В Вологодской области на магнитную ленту записаны мелодические голосовые сигналы для сбора и выгона стада (3), игра на барабане и колотушке, сопровождае-

мая мелодическими голосовыми сигналами (12), а также 102 пастушеских наигрыша от 51 исполнителя, в том числе: на рожке (жалейке — А. Ф.) — 5, колотушке — 2, на барабане, висящем в покотине — 22, на «индивидуальном» барабане — 73. При этом 59 наигрышей записано от 26 пастухов, а 43 — от 25 жителей, выпасающих по очереди личный скот. Зафиксированы следующие разновидности наигрышей: «общие» (на выгон и сбор стада), «на выгон, на сбор, на дойку, «для себя», «переклички», для «вызова лешего», для овец.

Приобретены 14 музыкальных инструментов (жалейки, барабаны, колотушки, трещотки, труба, рог), 7 предметов одежды и утвари, 2 рукописи («отпуски скота») и т. п. В тех деревнях, населению которых удается «подрядить» пастуха для пастьбы личного скота, как правило, устойчиво бытуют многие древние формы пастушеской материальной и духовной культуры, юридических взаимоотношений и т. п. В частности, некоторые условия договора, заключаемого с такими пастухами, сохранились до сегодняшнего дня без существенных изменений.

Рукописные дневники всех проведенных экспедиций, а также кино- и фотоматериалы сданы в архив ИЭ. Собранные коллекции хранятся в фондах МАЭ и Вологодского областного краеведческого музея. Все магнитофонные записи после расшифровки будут переданы в фонограммархив ИРЛИ (Пушкинский дом). В Древлехранилище ИРЛИ сданы на хранение «пастушеские» рукописи.

А. Е. Финченко

* * *

В июле-августе 1983 г. Проблемной лабораторией истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета были продолжены полевые этнографические исследования русского населения Томской области. Материалы собирались во время этнографической экспедиции (П. Е. Бардина и фотограф А. Н. Михалев) и этнографической практики студентов (20 человек) исторического факультета университета (руководители Э. Л. Львова, П. Е. Бардина). Задачи экспедиции — сбор материала по этнической истории, хозяйству и основным элементам материальной культуры русского населения Среднего Приобья.

¹ В некоторых экспедициях принимали участие (в качестве кинооператоров, фотографов и художников) сотрудники различных учреждений г. Ленинграда: В. Н. Евяпьев, А. В. Опарин, Е. Л. Смекалова.

² Пользуюсь случаем выразить благодарность Т. А. Бернштам, любезно предоставившей экспедициям составленную ею анкету по пастушеству.

Целью этнографической практики было обучение студентов методике полевых этнографических исследований с последующим использованием собранных материалов для изучения культуры и быта русского населения.

Было обследовано 8 селений в трех районах Томской области: Чаинском (села Подгорное, Коломинские Гривы, Гореловка, дер. Лось-Гора и Сухой Лог), Кожевниковском (села Кожевниково, Вороново) и Томском (с. Коларово). Обследованные районы различаются как временем появления в них первых русских поселенцев, так и составом русского населения в настоящее время. Томский и Кожевниковский районы были заселены русскими еще в XVII в. и в составе населения этих районов до сих пор встречаются старожилы-чалдоны. Чаинский же район стал заселяться русскими с конца XIX в., в основном отдельными группами старообрядцев.

Основу хозяйственной деятельности русского населения этих районов в конце XIX — первой четверти XX в. составляли земледелие и скотоводство, дополняемые охотой и рыболовством, особенно в северном Чаинском районе. В пригородном Томском районе были развиты кустарные промыслы (изготовление дуг, саней и пр.).

Собранные материалы характеризуют в основном поздние постройки, не ранее конца XIX в. Здесь распространены были срубные из сосны четырехстенки, пятистенки, крестовики, реже — связь. Идеалом

жилища считался «круглый дом» — крестовик или пятистенка под четырехскатной крышей. Внутренняя планировка была северно-среднерусского типа. Хозяйственные постройки располагались чаще всего по периметру двора, обнесенного забором-заплотом. Записаны поверья и обряды, связанные с жилищем, его строительством и обживанием.

У старообрядцев Чаинского района описан комплекс женской одежды, состоящий из косоклинного сарафана, рубахи, головного убора — *шашмуры* и тканого пояса. Такая одежда встречалась у них до середины XX в. Сарафан с лифом местами бытовал в начале XX в. и у старожилов. С конца XIX в. наиболее распространенным видом женской одежды стали юбки и кофты различного покроя. Мужчины носили рубахи-косоворотки и штаны со вставками и без вставок в шагу. Верхней одеждой служили *понитки* и *шабуры* прямого покроя из полушерстяной дмотканины и дохи из собачьих шкур. Распространена была кожаная обувь своего изготовления (*чирки*, *бродни*, *обутки* и пр.).

Во время полевой работы были собраны также некоторые сведения о традиционных пище, утвари, орудиях труда, похоронном обряде и др. Приобретено 19 экспонатов, которые вместе с другими материалами экспедиции будут храниться в Музее археологии и этнографии Сибири Томского университета.

П. Е. Бардина